

М. Е. СОБОЛЕВА

Философия языка Л. Витгенштейна

Философия языка раннего Л. Витгенштейна

Характерной чертой философии XX в. является так называемый *linguistic turn* — *поворот к языку*, означающий, что подход к решению многих философских проблем стал осуществляться посредством анализа языка. Язык из простого средства передачи информации превратился в средство познания и тем самым в самостоятельный объект философского исследования. Сама философия стала пониматься как анализ и критика языка. В немалой степени такому повороту способствовало творчество Людвиг Витгенштейна (1889–1951), известного прежде всего своими двумя работами — «Логико-философским трактатом», изданным в 1922 г., и «Философскими исследованиями», увидевшими свет уже после смерти автора в 1952 г.

Эти две работы оказали огромное влияние на развитие философии в двадцатом столетии. Ранняя работа Витгенштейна, наряду с работами Б. Рассела, Р. Карнапа, О. Нейрата, М. Шлика, К. Поппера и др. вызвала к жизни целое философское направление, получившее название *логический позитивизм*. Поздняя работа Витгенштейна стимулировала развитие *аналитической философии языка*, к представителям которой относятся У. ван О. Куайн, Х. Патхэм, Р. Рорти, Дж. Серл, Дж. Остин, Д. Дэвидсон и др.

Основную проблему, которая интересовала Витгенштейна в «Логико-философском трактате», можно сформулировать таким образом: как язык, представляющий собой конвенциональную систему произвольных знаков, может сказать нечто истинное о мире? Пытаясь ответить на этот вопрос, Витгенштейн разделил язык на три вида — язык науки, язык логики и язык метафизики — и приступил к анализу каждого из них.

Язык науки Витгенштейн представил как полностью *значимый язык*. «Значимый язык» — это язык, состоящий из ос-

мысленных предложений, т. е. предложений, представляющих собой информативные высказывания о мире. По Витгенштейну, предложение имеет смысл, если в соответствии с аристотелевской теорией истины его можно идентифицировать как истинное или ложное на основании его соответствия или несоответствия действительности: «Вместо утверждения: Это предложение имеет такой-то смысл — можно прямо сказать: Это предложение изображает вот такую ситуацию»¹; «Действительность сопоставляется с предложением»²; «Предложение может быть истинным или ложным лишь в силу того, что оно картина действительности»³; «Смысл предложения — его соответствие или несоответствие возможностям существования или несуществования ситуации»⁴. Таким образом, язык науки должен быть фактическим, а смысл имеют лишь те высказывания, которые могут быть верифицированы.

Стратегию определения того, какие предложения являются осмысленными, Витгенштейн развил в своей *теории отображения*, являющейся развитием теории *логического атомизма*, предложенной Б. Расселом. Согласно теории отображения, значимое (осмысленное) высказывание о мире возможно потому, что элементарные предложения языка отражают мир, а это, в свою очередь, обуславливается тем, что их составные части, понимаемые как *логические атомы*, соответствуют отдельным элементам мира. Иными словами, базовые высказывания языка могут быть значимыми, поскольку они изоморфны миру.

Язык способен быть образом мира, поскольку он устроен следующим образом: простым объектам реальности в нем соответствуют имена: «Имя обозначает объект. Объект — его значение»⁵. Возможным элементарным (атомарным) фактам (в русском переводе — «со-бытия» — *М. С.*) соответствуют элементарные высказывания (пропозиции): «Элементарное предложение состоит из имен. Оно взаимосвязь, сцепление имен»⁶. Реальным фактам соответствуют истинные пропозиции. Важным свойством элементарных фактов и соответствующих им элементарных пропозиций является их неразложимость и логическая независимость друг от друга.

¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. 4.031.

² Там же. 4.05.

³ Там же. 4.06.

⁴ Там же. 4.2.

⁵ Там же. 3.302.

⁶ Там же. 4.22.

Предложение понимается Витгенштейном как образ или проекция того факта, который оно описывает: «Предложение — картина действительности»⁷. По его мнению, отношение между предложением и фактом аналогично отношению между звуком и его граммафонной записью: «Граммафонная пластинка, музыкальная тема, нотная запись, звуковые волны — все они находятся между собой в таком внутреннем отношении отображения, какое существует между языком и миром»⁸. Уже из этого высказывания следует, что утверждение Витгенштейна об изоморфности языка и действительности основано не на простом фотографическом отношении отражения между языком и предметами мира, а на предположении о наличии у них единой логической структуры. Витгенштейн подчеркивает: «Предложение показывает логическую форму действительности. Оно предъясвляет ее»⁹. Повторим: в основании языковой проекции лежит не внешнее сходство изображаемого и изображающего, а их логическое взаимосоответствие. Элементарная пропозиция имеет следующий вид — «aRb», из чего следует, что ,a' находится в определенном отношении к «b».

Элементарные пропозиции представляют собой базисный уровень в языке, основу знания о мире. Они опираются на уровень слов, значения которых даны в непосредственном опыте, т. е. имена получают свое значение благодаря своей соотнесенности с миром. Имена как бы прикалывают пропозиции к фактам: «Эти соотнесения как бы усики элементов картины, с помощью которых она соприкасается с действительностью»¹⁰.

Отметим, что в учении Витгенштейна об элементарных предложениях нашло выражение не только его учение о структуре языка, но и его онтология. Пытаясь ответить на вопрос о том, какие предложения являются значимыми, он опирается на представление о том, что природа конечных составляющих элементов мира может быть открыта не путем исследования мира, а путем языкового анализа, хотя структура языка и определяется в известной степени структурой реальности. Витгенштейн верит в то, что «даже если мир бесконечно сложен, так что каждый факт состоит из бесконечно многих событий, а каждое событие складывается из бесконечно многих объектов, то и тогда должны существовать минимальные объекты и события»¹¹.

⁷ Там же. 4.021.

⁸ Там же. 4.014.

⁹ Там же. 4.121.

¹⁰ Там же. 2.1515.

¹¹ Там же. 4.2211.

Конечными элементами мира являются факты: «мир подразделяется на факты»¹², а каждый отдельный факт состоит из отдельного предмета и его индивидуальных характеристик. Следовательно, предел всем нашим рассуждениям о мире составляет субстанция мира, состоящая из простых объектов¹³. «Если бы мир был лишен субстанции, наличие у предложения смысла зависело бы от того, истинно ли другое предложение»¹⁴, и можно было бы впасть в дурную бесконечность, пытаясь обосновать цепь рассуждений. «Тогда было бы невозможно набросать какую-либо картину мира (истинную или ложную)»¹⁵. Субстанция мира, состоящая из объектов, устанавливает границу мышлению и тем самым языку. Мышление должно соответствовать действительности: порядок речей направляется порядком вещей. Однако, это соответствие не стоит понимать в смысле наивного реализма, ибо что есть факт или объект, решает субъект.

Помимо атомарных (элементарных) пропозиций существуют молекулярные пропозиции, описывающие сложные (комплексные) факты (в русском переводе им соответствуют просто «факты»), которые получаются из простых по правилам логического вывода с помощью связок — «и», «или», «если... то», «не»: «Предложения — все, что следует из целокупности всех элементарных предложений»¹⁶. Молекулярными пропозициями является большинство предложений науки, философии и жизни. Описывая действительность, предложения дают ее модель: «Предложение — модель действительности, какой мы ее себе представляем»¹⁷. Как уже говорилось выше, из всех возможных предложений только те оказываются значимыми, которые можно проверить на их соответствие или несоответствие действительности. То есть не каждое высказывание является предложением, а лишь то, что может быть либо истинным, либо ложным. Предложение, согласно Витгенштейну, сцеплено с понятием «истинный» как зубчатое колесо. Далее, лишь истинные предложения имеют смысл. Истинность сложных пропозиций устанавливается исходя из их значения, а их значение можно определить, зная значения всех входящих в них простых пропозиций. Другими словами, так же, как у Фреге, истинность

¹² Там же. 1.2.

¹³ Там же. 2.021.

¹⁴ Там же. 2.0211.

¹⁵ Там же. 2.0212.

¹⁶ Там же. 4.52.

¹⁷ Там же. 4.01.

молекулярной пропозиции является функцией истинности входящих в нее атомарных пропозиций.

Совокупность атомарных и молекулярных предложений дает нам язык, в котором отражаются наши представления о мире. Эти представления могут быть как верными, так и ошибочными, но только целокупность истинных мыслей или истинных предложений дает нам картину мира. Такая «целокупность истинных предложений — наука в ее полноте (или целокупность наук)»¹⁸. Таким образом, Витгенштейн проводит демаркационную линию между наукой и не-наукой и оставляет за наукой право выносить суждения о мире. Его учение о предложениях науки получило название «учения о том, что может быть сказано».

Условия возможности научных высказываний о мире составляют предложения логики. В отличие от языка науки, состоящего из синтетических предложений, т. е. предложений, которые содержат новую информацию о субъекте высказывания, язык логики состоит из *тавтологий* или *аналитических предложений*, высказывающих в предикате только ту информацию, которая уже содержится в понятии субъекта. Истинность таких логических предложений устанавливается единственно на основании формальных критериев, определяется правилами языка и не зависит от существующего положения дел. Эти предложения ничего не говорят о мире, но показывают, согласно Витгенштейну, то общее, что имеют между собой язык и мир — логическую форму, которая составляет «каркас мира». Логическое единство мира и языка — вот тот фундамент, который делает возможным и на котором строится все познание.

Логика трансцендентальна, утверждает Витгенштейн. В «Философских исследованиях» можно найти объяснение этой точки зрения: «Сущность, логика мышления представляют порядок мира, притом порядок априорный, т. е. порядок возможностей, который должен быть общим для мира и мышления... Предваряя всякий опыт, он должен пронизывать его; сам же он не может быть подвластен смутности или неопределенности опыта»¹⁹. Другими словами, не эмпирия, не опыт, а наличие единой логики у мира и языка обуславливает возможность того, что значимые предложения оказываются изоморфными «картинами действительности»²⁰, и тем самым обеспечивают познаваемость мира.

¹⁸ Там же. 4.11.

¹⁹ Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994. С. 96.

²⁰ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. 4.04.

Эта логика отражается в структуре обычных предложений: «Предложение показывает логическую форму действительности»²¹. «Предложение неспособно изображать логическую форму, она отражается в нем»²². Несмотря на то, что языку свойственно «переодевать мысли», т. е. предложение может иметь грамматическую структуру, не совпадающую с его логической структурой, Витгенштейн верит в то, что «строгие и ясные правила логической структуры предложения представляются нам чем-то скрывающимся в глубине, в сфере понимания»²³. Вскрытие этой логики и обоснование возможности идеального формально-логического языка науки является одной из задач «Трактата».

Учение о логических предложениях получило название «учения о показанном». В нем утверждается, что некоторое содержание, которое не может быть явно сформулировано в предложениях, проявляется в значимых предложениях, показывая себя. Хотя логика «предпослана Как, а не Что»²⁴, следование ее правилам уже может сказать нечто существенное о предмете. А именно, логика определяет сферу использования символа в языке благодаря тому, что она укоренена в мире: «Логические предложения описывают каркас мира, или же, скорее, они изображают его. Они ни о чем не повествуют. Они предполагают, что имена имеют значения, а элементарные предложения — смысл. Это и есть их связь с миром»²⁵.

Логика является не только условием возможности познания, но и инструментом, позволяющим получать новое знание. Сложные высказывания о мире получаются из простых высказываний на основании логических правил вывода. При этом важно, что из одного элементарного эмпирического предложения нельзя вывести никакого эмпирического факта, т. к. оно представляет предельный случай языка и в его структуре не содержится никакое другое предложение. Другими словами, Витгенштейн утверждает невозможность получения эмпирического знания при помощи индуктивных выводов: «Из одного элементарного предложения нельзя вывести никакого другого»²⁶, и «из существования какой-то одной ситуации нельзя заключить о суще-

²¹ Там же. 4.121.

²² Там же. 4.121.

²³ *Витгенштейн Л.* Философские работы. С. 102.

²⁴ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. 5.552.

²⁵ Там же. 6.124.

²⁶ Там же. 5.134.

ствовании другой, совершенно отличной от нее ситуации»²⁷. Вслед за Юмом, он считает, что индукция основана на психологическом, а не логическом обосновании знания. Вся сфера законообразных отношений должна охватываться формальной логикой, а «вне логики все случайно»²⁸.

Итак, эмпирические предложения науки, повествующие о фактах мира, и высказывания формальной логики, определяющие форму познания, относятся к *осмысленным* предложениям, которые имеют право быть произносимыми. Первые получают смысл благодаря тому, что они соответствуют действительности, вторые — в силу того, что они являются тавтологиями или построены в соответствии с формальными законами логики. Однако Витгенштейн выделяет еще одну группу предложений — *предложения метафизики*. Последние хотя и похожи внешне на пропозиции, но их анализ показывает, что они не имеют смысла, поскольку они не находят себе референтов в действительном мире. К ним он относит предложения философии, этики, эстетики, религии.

Объявив метафизические предложения бессмысленными на основании формального критерия, Витгенштейн не умаляет их значения для жизни людей. Предложения этики, эстетики и религии он рассматривает как трансцендентальные в силу той огромной роли, которую они играют в жизни общества. В сущности, этика, как и логика, предстают у него в качестве условия мира. Именно как условие мира этика сама попадает в сферу невыразимого: «Понятно, что этика не поддается высказыванию. Этика трансцендентальна. (Этика и эстетика суть одно)»²⁹. По мнению Витгенштейна, «высшее не выразить предложениями»³⁰ и поскольку все, что придает жизни ценность и смысл, невыразимо при помощи пропозиций, то о нем следует молчать. Ценностное, метафизическое не относится к конечным фактам мира, их природа бесконечна, поэтому выразить ее адекватно при помощи законченных высказываний невозможно, и такие предложения попадают в категорию *невыразимого*: «В самом деле существует невысказываемое. Оно показывает себя — это мистическое»³¹. Витгенштейн признает, что то, о чем следует молчать — вопросы о сущности бытия и смысле жизни — занимает людей не меньше, чем познание мира: «Мы чувствуем,

²⁷ Там же. 5.134.

²⁸ Там же. 6.3.

²⁹ Там же. 6.421.

³⁰ Там же. 6.42.

³¹ Там же. 6.522.

что, если бы даже были получены ответы на все возможные научные вопросы, наши жизненные проблемы совсем не были бы затронуты этим. Тогда, конечно, уж не осталось бы вопросов, но и это было бы определенным ответом»³². Однако вопросы жизни выходят за пределы компетенции пропозиционального языка, они, составляя вечную тайну жизни связаны с действием, с поступком, с переживанием. Причем «для ответа, который невозможно высказать, нельзя также высказать и вопрос»³³.

Содержание «Трактата» делится, таким образом, на две части, повествующую о научном познании и умалчивающую о жизни. Витгенштейн сам утверждал, что в книге, помимо написанной, есть еще одна часть — ненаписанная, являющаяся продолжением рассуждений о предложениях метафизики и жизни. Содержание этой части выражает заключительное высказывание «Трактата»: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать»³⁴. Витгенштейн писал своим друзьям Л. фон Фикеру и П. Энгельману: «Цель книги этическая... Моя работа состоит из двух частей: первая представлена здесь, а вторая — все то, чего я не написал. Самое важное — именно эта вторая часть. Моя книга как бы ограничивает сферу этического изнутри. Я убежден, что это единственный способ ограничения»³⁵. Согласно ему, предложения, высказывающиеся о мире, отвечают на вопрос *как* он есть; предложения, пытающиеся сказать нечто о жизни, стремятся ответить на вопрос *что* есть мир. Однако, вопрос о «что» мира, т. е. о его сущности, неразрешим и относится к тому, о чем следует молчать. «Мистическое — не то, как мир есть, а то, что он есть»³⁶.

Постулировав, что предложения метафизики являются бессмысленными, а язык в своей метафизической функции становится не средством решения проблем, а средством, приводящим к неразрешимым философским путаницам и спорам, Витгенштейн призывал к соблюдению этики в обращении с языком, заключающейся в отказе от спекулятивного философствования. Чем же тогда должна быть философия? Философия должна выяснить истинную природу предложений. Для того чтобы это сделать, она должна заняться логическим анализом языка, которому свойственно «переодевать мысли», в результате чего

³² Там же. 6.52.

³³ Там же. 6.5.

³⁴ Там же. 7.

³⁵ Людвиг Витгенштейн: Человек и мыслитель. М., 1993. С. 172.

³⁶ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. 6.44.

видимая грамматическая форма предложения не обязательно оказывается его действительной логической формой.

В свойстве языка «переодевать мысли» Витгенштейн видит причину большинства философских заблуждений. Предложения, кажущиеся на первый взгляд осмысленными, на поверку оказываются не имеющими смысла, поскольку в действительности им ничего не соответствует: «Большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложны, а бессмысленны. Вот почему на вопросы такого рода вообще невозможно давать ответы, можно лишь устанавливать их бессмысленность»³⁷. Поскольку, по мысли Витгенштейна, «большинство вопросов и предложений философов вытекает из того, что мы не понимаем логики нашего языка»³⁸, то любая здравая философия должна начинаться с объяснения предложений, т. е. с определения того, являются ли эти предложения осмысленными или нет. Поэтому вся философия для него — это «критика языка»³⁹.

«Цель философии — логическое прояснение мыслей. Философия не учение, а деятельность. Философская работа, по существу, состоит из разъяснений. Результат философии не “философские предложения”, а достигнутая ясность мыслей. Мысли, обычно как бы туманные и расплывчатые, философия призвана делать ясными и отчетливыми»⁴⁰. Итак, работа по прояснению смысла предложений понимается Витгенштейном не как выдвижение новых предложений и создание новых теорий, а как *деятельность*. Эта деятельность хотя состоит из разъяснений, но ни одно предложение, полученное в ходе такого прояснения, не является предложением философии. Оно лишь инструмент, техническое средство. Даже предложения «Трактата», которые предлагают свой способ анализа языка в его познавательной функции, должны быть отвергнуты как бессмысленные: «Мы должны отбросить лестницу, после того, как на нее поднялись»⁴¹.

Есть только один возможный способ описания фактического мира, который осуществляется «совокупностью всех естественных наук»⁴². Внутри сферы осмысленного, т. е. сферы науки, нет места для философских предложений. Согласно положению «Трактата»: «Правильный метод в философии должен быть

³⁷ Там же. 4.003.

³⁸ Там же. 4.003.

³⁹ Там же. 4.0031.

⁴⁰ Там же. 4.112.

⁴¹ Там же. 6.54.

⁴² Там же. 4.11.

таков: не говорить ничего, кроме того, что может быть сказано, то есть давать только естественнонаучные пропозиции. Другими словами, говорить следует только то, что не имеет отношения к философии. Тогда, если говорится о чем-нибудь метафизическом, то следует сказать, что придать смысл знакам в пропозиции не удалось»⁴³. Повторим, что право на язык Витгенштейн оставляет лишь за наукой, ибо имеет смысл произносить только те предложения, доказательство которых показывает, что действительно «дело обстоит именно так»⁴⁴. Философия же должна перестать быть метафизикой и должна стать методом познания.

Методологическая задача философии состоит в том, чтобы дать нам представление о структуре самого мира, о том, как устроены его базовые составляющие. Философия объясняет, что познаваемый мир состоит, в конечном итоге, из множества атомарных фактов, т. е. объектов и их свойств. Это понимание достигается анализом языка, направленным на его преобразование с тем, чтобы он обрел свою истинную логическую форму. После такого преобразования предложений становится ясным, имеют ли они значение или нет, а это, в свою очередь, проясняет, служат ли они познанию и устраняют «философскую» путаницу или же, наоборот, порождают метафизику и тем самым усложняют жизнь.

Философия языка позднего Л. Витгенштейна

«Философские исследования» Витгенштейна явились работой, которая вызвала к жизни новое направление в философии, а именно, *аналитическую лингвистическую философию (философию обыденного языка)*, которая в качестве основной задачи поставила перед собой анализ естественного языка строгими методами. Анализ обыденного языка предполагает две важнейшие цели: во-первых, определение значения философски релевантных концептов, таких как «добро», «зло», «значение», «знание» и др.; во-вторых, выявление логики функционирования языка в условиях повседневной коммуникации. Первый круг задач выполняется *концептуальным анализом*, второй — *логическим анализом речевых актов*. Обе эти стратегии были намечены в рассматриваемой работе.

Концепция позднего Витгенштейна сложилась в ходе наблюдений над функционированием языка в естественных условиях

⁴³ Там же. 6.53.

⁴⁴ Там же. 6.1264.

его использования. В отличие от «Трактата», занятого преимущественно логическим анализом языка науки, «Исследования» сосредоточили свое внимание на анализе повседневной речи: «Говоря о языке (слове, предложении и т. д.), я должен говорить о повседневном языке»⁴⁵.

Основным вопросом «Исследований», как и «Трактата», является вопрос о сущности языка. Однако теперь Витгенштейн подходит к его разрешению с совершенно новых позиций. Если в «Трактате» за языком признавалась в качестве важнейшей *когнитивная функция*, т. е. функция познания и описания мира, то теперь на первый план выходит его *коммуникативная и прагматическая функции*. По мнению Витгенштейна, следует «радикально преодолеть представление, будто язык всегда функционирует одним и тем же способом и всегда служит одной и той же цели: передавать мысли — будь то мысли о домах, боли, добре, зле и обо всем прочем»⁴⁶.

Разумеется, слова могут использоваться для обозначения данных нам в опыте предметов («служить ярлыками» для них), но помимо этого употребления слов «имеется бесчисленное множество бесконечно разнообразных типов употребления всего того, что мы называем «знаками», «ловами» «предложениями»»⁴⁷. Это могут быть утверждения, вопросы, приказания, выражения эмоций, описания, отгадывание загадок, переводы с языка на язык, формулировка норм и др. Язык и его употребление всегда тесно переплетен с жизнедеятельностью людей, с их практическими действиями, причем образцы и нормы языкового поведения часто оказываются неотделимыми как от образцов и норм конкретного вида деятельности, так и от формы жизни людей в целом. Язык в повседневной жизни функционирует как орудие, служащее для выполнения многочисленных задач. Таким образом, на смену концепции языка как образа мира приходит *инструментальная концепция языка*: «Язык — это инструмент. Его слова — инструменты»⁴⁸.

Радикально меняются представления Витгенштейна о логике функционирования языка. Если в «Трактате» в основу объяснения функционирования языка им были положены принципы *изоморфизма* и *логического атомизма*, то в «Исследованиях» он предлагает для этого понятие *языковой игры*.

⁴⁵ Витгенштейн Л. Философские работы. С. 129.

⁴⁶ Там же. С. 185.

⁴⁷ Там же. С. 90.

⁴⁸ Там же. С. 236.

Переход к новой постановке вопроса сопровождался пересмотром Витгенштейном следующих основных положений логического атомизма:

1. В «Трактате» утверждалось, что логический анализ языка позволит установить минимальные единицы языка — имена, которым соответствуют простые элементы действительности: «Имена обозначают лишь то, что является элементом действительности. То, что неразрушаемо, что сохраняется при всех изменениях»⁴⁹. «Поздний» Витгенштейн констатирует, что «опыт не показывает нам этих элементов», «мы видим составные части чего-то сложного», «мы также видим целое, которое разрушается»⁵⁰. Следовательно, невозможно привести ни одного примера атомарного факта и, значит, бессмысленно утверждать, что предложения языка имеют связь с миром благодаря атомарным предложениям.

2. Сами понятия простоты и сложности Витгенштейн подвергает в «Исследованиях» концептуальному анализу и приходит к выводу, что слова *сложный* или *простой* употребляются в различных ситуациях и в зависимости от ситуации имеют различные значения.

«Когда я говорю: “Моя швабра стоит в углу”, то о чем, собственно, это высказывание — о палке и щетке?»⁵¹; «Является ли простым отрезок в 2 см или же он состоит из двух частей по 1 см?» и «Является ли зрительный образ этого дерева сложным и каковы его составные части?»⁵² Ответы на все эти вопросы, поставленные вне конкретного контекста действий, неразрешимы и задавать их, по мнению Витгенштейна, не имеет смысла.

3. В «Трактате» Витгенштейн утверждал, что значением имени является объект. В «Исследованиях» он приходит к выводу, что слово может иметь значение, даже если ему ничто простое в действительности не соответствует. Он подчеркивает, что «слово “значение” употребляется в противоречии с нормами данного языка, если им обозначают вещь, соответствующую данному слову. То есть значение имени смешивают с носителем имени»⁵³. Например, когда умирает господин N, то умирает носитель имени, а не его значение. Иначе не имело бы смысла говорить «господин N умер». Следовательно, не объект является значением имени; следует искать иное объяснение того, как формируется значение слов.

⁴⁹ Там же. С. 108.

⁵⁰ Там же. С. 108.

⁵¹ Там же. С. 108.

⁵² Там же. С. 101.

⁵³ Там же. С. 98.

4. В «Трактате» Витгенштейн считал, что только осмысленные предложения имеют право быть произносимыми. Осмысленными являются предложения логики и те предложения, которые получаются на основании атомарных по правилам логического вывода; при этом смысл этих предложений был строго определен. В «Исследованиях» он констатирует, что многие предложения естественного языка не точны, но это не мешает коммуникации. Степень точности предложения определяется контекстом его употребления и нет необходимости совершенствовать общение путем повышения точности предложений. «Является ли расплывчатое понятие понятием вообще? — Является ли нечеткая фотография изображением человека? Всегда ли целесообразно заменять нечеткое изображение четким? Разве неотчетливое не является как раз тем, что нужно?»⁵⁴

5. В «Трактате» признается возможность адекватного описания действительности языком в силу наличия единой логики у языка и мира. В «Исследованиях» Витгенштейн заявляет, что «утверждать, что это предложение соответствует (или не соответствует) действительности, было бы явной бессмыслицей»⁵⁵. Эта бессмыслица вызвана тем, что нас вводит в заблуждение общая форма предложения, которая имеет вид: «Дело обстоит так-то». Эта общая форма предложения дает нам иллюзию, будто бы мы исследуем действительность, как она есть, «на самом же деле здесь просто очерчивается форма, через которую мы воспринимаем ее»⁵⁶.

Предложение «Дело обстоит так-то» само является ничем иным, как предложением и используется, по мнению Витгенштейна, как «предложение-переменная», которое можно охарактеризовать как истинное или как ложное на основании, во-первых, правил его построения и, во-вторых, правил его употребления в «языковой игре» (в культурно обусловленной речевой ситуации), также влияющей на формирование понятия об истинном и ложном. Таким образом, Витгенштейн утверждает, что не существует абсолютных вневременных и внеисторичных понятий об истинности и ложности и что постановка проблемы о соответствии предложения действительности оказывается некорректной, если этого последнего обстоятельства не учитывать.

Постулировав «неработоспособность» основных принципов логического атомизма для объяснения функционирования естественного языка, Витгенштейн предложил инструментальную

⁵⁴ Там же. С. 113.

⁵⁵ Там же. С. 132.

⁵⁶ Там же. С. 128.

(связанную с действием и воздействием) концепцию языка, основанную на понятии о *языковой игре*. Происхождение понятия «языковая игра» связано с играми, посредством которых ребенок научается использовать определенные слова в соответствии с определенными правилами. Оно подчеркивает условный, договорный характер языка. Языковая игра представляет собой соединение речи и действий, с которыми она переплетена. «Термин ,языковая игра‘ призван подчеркнуть, что говорить на языке — компонент деятельности или форма жизни»⁵⁷. Здесь главный акцент переносится со связанной с мышлением когнитивной функции языка, основанной на теории отображения, на исследование языка в действии, функционирующего с соответствием с intersубъективно установленными правилами в рамках определенной формы коллективной жизни.

Отметим важнейшие свойства языка, вытекающие из представления о нем как о языковой игре:

— Невозможность дать точное описание того, что представляет собой языковая игра: «Мы не знаем границ понятия игры, потому что они не установлены»⁵⁸. Эта невозможность точной дефиниции связана с представлением о языковой игре как о форме жизни, ибо невозможно перечислить все существующие жизненные практики и невозможно сказать, какие из них еще появятся, а какие исчезнут;

— Языком овладевают в ходе освоения различных жизненных практик: «Следовать правилу, делать сообщение, давать задание, играть партию в шахматы — все это практики (применения, институты). Понимать предложение — значит понимать язык. Понимать язык — значит владеть некой техникой»⁵⁹. Разумеется, обучение языку начинается с *остенсивных определений*, когда слово вводится через указание на данный предмет. Однако, остенсивное обучение должно быть дополнено обучением тому, что является, тем же самым, что и данный называемый предмет⁶⁰. Например, введя значение слова «стол» путем указания на конкретную вещь, нужно еще сформировать понятие «стола вообще», т. е. научить применению этого слова для обозначения других предметов. Этот навык достигается, по мнению Витгенштейна, только тренировкой использования слова в разных ситуациях. Только при употреблении раскрывается, каков критерий «того же самого» применительно к данному слову. Этот критерий

⁵⁷ Там же. С. 90.

⁵⁸ Там же. С. 112.

⁵⁹ Там же. С. 162.

является важным фактором для формирования значения слова. Только когда человек научился использовать данное слово в новых контекстах, можно сказать, что он его понял.

— В основе функционирования языковых игр имеются свои закономерности, которые Витгенштейн называет *правилами*. В отличие от правил логики эти закономерности не имеют априорного и абсолютного характера. Но «что же должна означать фраза “Правило, по которому он действует?”»⁶⁰. Витгенштейн отвечает, что правило выступает здесь «как дорожный указатель», который влияет на использование языка постольку, поскольку «я приучен особым образом реагировать на этот знак и теперь реагирую на него именно так»⁶¹. Другими словами, правила действуют, «поскольку существует их употребление, практика»⁶².

Итак, логика языка утрачивает свой трансцендентальный характер, поскольку правила, по которым он действует, предполагают признание некоего общественного консенсуса в отношении его использования. «Совместное поведение людей — вот та референтная система, с помощью которой мы интерпретируем незнакомый язык»⁶³. Фундамент для функционирования языка образует согласие или консенсус относительно формы жизни, который можно интерпретировать как «согласованность суждений», т. е. согласованность правил, норм, ценностей, понятий и т. д. Поскольку правила языковой игры не формулируются явно, а скорее, предполагаются и выучиваются в процессе овладения языком и сопутствующих этому видов деятельности, т. е. в ходе жизни в определенном сообществе людей, то «слово «согласие» и слово «правило» родственны друг другу, они двоюродные братья. Обучая кого-нибудь употреблять одно из этих слов, я тем самым учу его и употреблению другого»⁶⁴.

— Важной особенностью языковых игр является то, что независимо от уровня своего развития, каждая из них всегда обладает свойством целостности и полноты: «Спроси себя полон ли наш язык; — был ли он полон до того, как мы ввели в него химическую символику и обозначения для исчисления бесконечно малых?»⁶⁵. Языковая игра может быть дополнена, но это не означает, что до этого она была ущербной.

⁶⁰ Там же. С. 118.

⁶¹ Там же. С. 162.

⁶² Там же. С. 162.

⁶³ Там же. С. 164.

⁶⁴ Там же. С. 168.

⁶⁵ Там же. С. 86.

— Языковые игры обладают собственной динамикой: они постоянно рождаются, развиваются, меняются, устаревают и исчезают и т. д. Витгенштейн сравнивает язык с городом, где старинный центр обрастает со временем новыми пригородами. Существенными факторами в развитии языка являются развитие жизненных практик людей и обусловленные ими изменения в лексике и грамматике, связанные как с появлением новых слов, так и с изменением значений слов, например, за счет «генетических связей», когда значение слова переносится на его ,предков‘ или ,потомков‘.

— В ходе языковых игр язык не отражает реальность, а в определенном смысле создает ее. Когда некто утверждает нечто, то «констатирует ли он существование такой связи или же создает ее этими словами?», — спрашивает Витгенштейн⁶⁶. Понятие о действительности рассматривается им теперь не как неизменное, вечно самотождественное, а скорее как результат исторического взаимодействия людей с окружающей их средой, как возможная модель действительности. Объективный реализм «Трактата» сменяется культурно обусловленным релятивизмом. На смену единой картине мира, отраженной в идеальном универсальном символическом языке, приходит множество картин действительности, укорененных в различных формах жизни и сформированных различными естественными языками.

— Языковые игры являются основным предметом исследования аналитической философии, поскольку они выступают как модели, «которые своими сходствами и несходствами призваны пролить свет на возможности нашего языка»⁶⁷.

В соответствии с предложенной им общей теорией языковой игры Витгенштейн развивает новую *теорию значения*. Такие признаки функционирования языка как подчиненность интересным правилам, конвенциональность, инструментальность и включенность в практику легли в основание теории *значения как употребления*. Новая интерпретация значения противостояла ряду традиционных теорий значения.

Во-первых, она конфронтировала с теорией значения как обозначения и сопровождалась критикой остенсивной теории приобретения семантических знаний, о чем уже было сказано выше. Витгенштейн стремился показать, что значение языкового выражения нельзя сводить к указанию ввелингвистического объекта, которому оно соответствует. «Когда я мыслю в языке, то в моем сознании не витают, наряду с языковыми выражениями,

⁶⁶ Там же. С. 256.

⁶⁷ Там же. С. 131.

еще и “значения”, напротив, сам язык есть носитель мышления»⁶⁸. Тем более нельзя рассматривать связь обозначающего и денотата как особую объективную связь, которая соединяет их независимо от использующих данный язык людей и диктует людям, как они должны употреблять это выражение.

Во-вторых, Витгенштейн оспаривает теорию, в соответствии с которой значение имени является образ сознания, который возникает при произнесении имени и якобы управляет его употреблением. Даже если бы мы признали существование в наших умах ментальных образов, то мы все равно должны были бы как-то проинтерпретировать их. По его мнению, «то, что человеку в связи с предложением что-то представлялось бы, столь же мало существенно для понимания предложения, как и то, что в соответствии со своим представлением он делал бы к нему некий эскиз»⁶⁹. Исходным при анализе языка Витгенштейн считает значение целого высказывания, а не значение отдельных слов, связанных с конкретными образами. Он пишет, что можно подумать, будто фраза «Идет дождь» вызывает в нас нечто вроде образов «этого международного языка». Однако на самом деле, смысл данной фразы создается отнюдь не благодаря сопровождающим слова универсальным образам. Более того, различные люди связывают различные образы с этой фразой. Для понимания языка образы, следовательно, не необходимы.

В-третьих, Витгенштейн опровергает возможность объяснения языковых значений за счет ментальных процессов и психических актов, таких как мышление, понимание, чувствование, намерение, обозначение, мнение и т. д. Он показывает, что объяснение значения через описание ментальных процессов уже предполагает наличие языка, поскольку эти процессы сами описываются при его помощи. Кроме того, разбирая различные примеры, он показывает, что значения слов, описывающих ментальные процессы, не поддаются однозначному определению. Это связано с тем, что нет такой строго определенной психической деятельности, как, например, «чтение». Напротив, слово «читать» мы «употребляем к семейству случаев»⁷⁰.

В-четвертых, Витгенштейн оспаривает традиционную теорию абстракции, согласно которой некоторые группы предметов, называемые одним и тем же словом, объединяются в роды и виды на основании присущих им общих признаков. В качестве альтерна-

⁶⁸ Там же. С. 190.

⁶⁹ Там же. С. 204.

⁷⁰ Там же. С. 146.

тивы он предлагает теорию «*семейного сходства*», в соответствии с которой предметы, называемые одним и тем же словом, сходны между собой то в одном отношении, то в другом. Не существует единого общего свойства, которым бы обладали все эти предметы: «Мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом. Я не могу охарактеризовать эти подобия лучше, чем назвав их “семейными сходствами”»⁷¹ (ср. разбор Сократом слова «мужество»: в понятии мужества должно быть нечто общее для всех проявлений мужества на суше, на море, в частных и государственных делах и т. д.). Для предметов, связанных отношением семейного сходства, нельзя дать классического определения через род и видовое отличие, поскольку невозможно найти для них единого общего свойства, которое составило бы значение общего понятия.

Итак, значение нельзя трактовать ни как определенный предмет, ни как определенный образ сознания, ни как определенное абстрактное свойство, ни как определенный вид психической деятельности, соответствующий данному языковому значению. Каждый из этих процессов вносит свой вклад в формирование значения, но не может считаться универсальным. На основе этой критики, Витгенштейн предлагает альтернативное решение — связывать значение с нормами языковых игр, практикуемых в языковых сообществах.

Он выдвигает *теорию значения, основанную на употреблении слов в языке*: «Тем, что, соответствует определенному имени, без чего оно не имело бы значения, является, например, парадигма, употребляемая в языковой игре в связи с данным именем»⁷². Знать значение слова — значит знать все случаи его употребления в языке. Таким образом, значение слова можно описать в виде набора правил его употребления, в виде «грамматики» слова. Причем последняя неотделима от *категорий прагматики*, поскольку значения высказываний рассматриваются в неразрывной связи с условиями их употребления (контекстом, ситуацией, участниками коммуникации, ее целями). Исходным при определении значения является значение высказывания, из которого выводится значение слова.

«Выходит, от нашей грамматики — то есть от того, что она позволяет, — всецело зависит, что называть (логически) возможным, а что — нет?» — “Но ведь это произвольно (установлено)!” — “Неужели произвольно?” — “Не всякая конструкция,

⁷¹ Там же. С. 110.

⁷² Там же. С. 106.

напоминающая предложение, может идти в дело, не каждая техника находит применение в нашей жизни»⁷³. Из этого отрывка следует, что языковое значение не произвольно, а формируется в контексте реальной социальной практики, которая его обосновывает и накладывает на него ограничения. Лингвистическое значение слова обуславливается, следовательно, нелингвистической составляющей языковой игры данного языкового сообщества.

Понимание языковой игры как завершенной системы коммуникации позволяет говорить о различных типах языков и представить, например, язык науки или язык философии в качестве одного из видов языковой игры, лишив их тем самым особого привилегированного статуса. Какова же в этой связи роль философии? «Исследования», как и «Трактат», представляют философию как *терапевтическую* деятельность по разъяснению и прояснению предложений, а не как совокупность доктрин и истин, т. е. придерживаются взгляда на философию как на *techne*, а не *theoria*.

Прояснение языка достигается за счет обращения внимания на то, что находится перед глазами: «Эти проблемы решаются не получением новой информации, а упорядочиванием того, что нам давно известно. Философия есть битва против околдованности нашего разума средствами нашего языка»⁷⁴. Эта «околдованность» порождает метафизику. По мнению Витгенштейна, мы думаем, что задаем глубокие вопросы о мире, а на самом деле часто только выражаем неясность или путаницу по поводу грамматики языка, на котором мы их задаем.

Источник философских заблуждений Витгенштейн усматривает в нескольких серьезных ошибках. Первая возникает, когда не принимается в расчет фактор времени. Нам часто «представляется, будто мы разом можем охватить все употребление слова»⁷⁵. Однако время наполняет уже существующие знаки новыми смыслами и тем самым затрудняет понимание смыслов старых. Главным источником нашего непонимания становится тот факт, что «мы не обозреваем употребления наших слов. — Нашей грамматике не достает такой наглядности»⁷⁶.

Вторая ошибка возникает, когда отсутствует различие между *глубинной* и *поверхностной грамматикой*. «Поверхностная» грамматика слова — это «способ его применения в структуре предложения, та часть его употребления, которую мы, так сказать,

⁷³ Там же. С. 227.

⁷⁴ Там же. С. 127.

⁷⁵ Там же. С. 162.

⁷⁶ Там же. С. 129.

в состоянии уловить на слух»⁷⁷. «Глубинная» грамматика — это то, что подразумевается при произнесении слова. Причем Витгенштейн утверждает, что «подразумевать что-то — это как раз самая важная деятельность при употреблении языка»⁷⁸. Заметим, что в дальнейшем исследование подразумеваемого в высказывании и правил его интерпретации в аналитической философии было предпринято П. Грайсом.

Третья ошибка возникает в результате непонимания сложного взаимодействия различных языковых игр, в результате чего правила грамматики одной языковой игры ошибочно применяются к другой и происходит смешение грамматик. Когда предложения применяются вне сферы их употребления, язык переходит свои границы и «отправляется на каникулы». «Странным предложение кажется тогда, когда его представляют себе в другой языковой игре, не в той, где оно фактически употребляется»⁷⁹. Во избежание такого рода ошибок следует, во-первых, «свести слова от их метафизического употребления вновь к их первоначальному обыденному употреблению»⁸⁰ с целью вернуть им их первоначальный смысл. Во-вторых, следует стараться не пересекать границы языковых игр: «Для нас естественно произносить предложение в той или иной связи; и неестественно высказывать его в отрыве от нее»⁸¹.

Итак, философия должна развиваться и далее как анализ языка с целью «показать мухе выход из мухоловки»⁸². Причем ее основным методом должно быть не объяснение, не выделение логических и онтологических атомов, а *дескрипция*, описание многообразных способов употребления слов и выражений, что позволит заметить и определить те отклонения от их правильного использования, которые приводят к концептуальным проблемам. «Философия никоим образом не смеет посягать на действительное употребление языка, в конечном счете она может только описывать его. Ведь дать ему вместе с тем и какое-то обоснование она не может. Она оставляет все так, как есть»⁸³.

⁷⁷ Там же. С. 254.

⁷⁸ Там же. С. 254.

⁷⁹ Там же. С. 161.

⁸⁰ Там же. С. 128.

⁸¹ Там же. С. 141.

⁸² Там же. С. 186.

⁸³ Там же. С. 130.